

КЕВИН УИЛСОН

**ничего
интересного**

Посвящается Энн Пэтчетт и Джули Бэрер

Один

В конце весны 1995 года, через пару недель после того, как мне исполнилось двадцать восемь, я получила письмо от своей подруги, Мэдисон Робертс. Правда, для меня она все еще оставалась Мэдисон Биллингс. Она писала мне несколько раз в год, и ее послания напоминали репортажи с Луны — о такой жизни рассказывается только в журналах. Она была замужем за мужчиной старше ее, сенатором, и растила маленького сына, которого наряжала в матросские костюмчики, — мальчик напоминал дорогого плюшевого мишку, обернувшегося человеком. Я работала кассиршей в двух конкурирующих супермаркетах и курила травку на чердаке маминого дома. На чердаке, потому что, как только мне исполнилось восемнадцать, мать превратила мою комнату в тренажерный зал и огромная беговая дорожка заполнила собой пространство, в котором я провела свое несчастливое детство. Время от времени я с кем-то встречалась, и эти люди меня не заслуживали, но им было невдомек. Нетрудно догадаться, что письма Мэдисон были

раз в сто интереснее моих, но тем не менее общение мы поддерживали.

Нынешнее письмо внезапно прервало размеренный ритм нашей аккуратной и уравновешенной переписки. Но меня смутило не это. Мы с Мэдисон общались только с помощью писем, у меня даже не было ее номера телефона.

Я нашла время прочесть письмо лишь в обеденный перерыв во «Всё по девянсто девять». Открыв конверт, я обнаружила, что Мэдисон просит меня приехать в город Франклин, штат Теннесси, где она живет в поместье своего мужа, — хочет предложить мне интересную работу. К письму была приложена купюра в пятьдесят долларов на автобус, потому что не секрет, что моя машина больше двадцати пяти километров не осилит. Что за работа, Мэдисон не сообщила, но вряд ли что-то могло быть хуже возни со скидочными купонами и попыток заставить гребаные весы более-менее точно взвешивать помятые яблоки. Последние пять минут обеденного перерыва ушли на то, чтобы отпроситься у моего босса Дерека на пару дней. Я знала, что он откажет, и не могла его винить. Меня нельзя было назвать очень ответственным сотрудником. Такое дело с двумя работами: приходится по очереди подводить то одного, то другого, и через какое-то время уже сложно сказать, кого ты подвела сильнее. Я подумала о Мэдисон: она была, наверное, самой красивой женщиной, которую я видела за свою жизнь, и при этом удивительно умной, вечно просчитывающей разные варианты.

Если у нее есть для меня работа, я соглашусь. Я съеду с чердака в мамином доме. Я полностью выпотрошу свою жизнь, потому что честна с собой и знаю, что существует не так много вещей, по которым я буду скучать, если они исчезнут.

Через неделю после того, как я отправила Мэдисон письмо с датой своего прибытия, на автобусной остановке в Нэшвилле меня ждал мужчина в солнечных очках и рубашке с воротничком и короткими рукавами. С виду он казался человеком, который в свободное время искренне интересуется часами.

— Лилиан Брейкер? — спросил он, и я кивнула. — Миссис Робертс попросила меня сопроводить вас в поместье Робертсов. Меня зовут Карл.

— Вы их водитель? — уточнила я, сгорая от любопытства. Мне хотелось узнать, как живут богачи, — судя по тому, что показывали по телевизору, у них непременно есть водитель, но я всегда считала это одной из голливудских причуд, не имеющих ничего общего с реальностью.

— Нет, не совсем. Я, как бы лучше выразиться, мастер на все руки. Помогаю сенатору Робертсу, а также миссис Робертс решать проблемы, если они возникают.

— Вы знаете, зачем я здесь? — Я копа за милю вижу, а этот мужик был ужасно похож на копа. Представители органов власти не вызывали у меня доверия, и я решила этого Карла прощупать.

— Полагаю, что да, но лучше вам об этом поговорить с миссис Робертс. Думаю, она бы хотела рассказать обо всем сама.

— Что у вас за машина? — поинтересовалась я. — Она ваша?

Я несколько часов провела в автобусе в компании людей, которые общались исключительно при помощи покашливаний и подозрительных хмыканий. Мне просто хотелось снова услышать, как звучит мой голос.

— «Миата». Моя. Вы готовы ехать, мэм? Могу я взять ваш багаж? — спросил Карл, очевидно стремясь уже наконец покончить с этой частью поручения. Он скрывал раздражение за подчеркнутой формальностью — ну точно коп!

— У меня ничего нет, — сказала я.

— Замечательно. Следуйте за мной, и я немедленно доставлю вас к миссис Робертс.

Когда мы дошли до «миаты», ярко-красной машинки, которая выглядела слишком крошечной, чтобы ездить по дорогам, я спросила, нельзя ли опустить крышу, но Карл сказал, что это не лучшая идея. Судя по всему, отказывать ему было физически больно. Правда, как мне показалось, боль ему причинил уже сам вопрос. Карл оставался для меня загадкой, так что я села в машину и готовилась наблюдать за проносящимся мимо пейзажем.

— Миссис Робертс говорит, вы ее самая давняя подруга, — сказал Карл через какое-то время, видимо, чтобы не молчать.

— Наверное, так оно и есть, — ответила я. — Мы очень давно знаем друг друга.

Я не сказала, что у Мэдисон, скорее всего, других друзей попросту не было. Я ее за это не осуждала. У меня, в конце концов, тоже не было друзей. Еще я не сказала, что на самом деле не очень-то уверена, что мы с Мэдисон подруги. Мы что-то другое. Странное. Но Карлу совершенно незачем было это знать, да и неинтересно, думаю, так что остаток пути мы проехали молча, под незамысловатое радио, слушая которое хотелось залезть в горячую ванну и наслаждаться фантазиями, где я убиваю всех своих знакомых.

Мы с Мэдисон познакомились в частной школе для девочек, скрытой в горах вдали от цивилизации. Лет сто назад, а может, и раньше все мужчины, сумевшие заработать достаточно денег на этой чрезвычайно скудной земле, решили, что им позарез нужна школа, которая подготовит их дочерей к будущему замужеству с другими богатыми мужчинами и поможет подняться по лестнице столь высоко, чтобы никто и не вспомнил, что когда-то их семьи нельзя было назвать исключительными. Эти мужчины пригласили в Теннесси какого-то британца, и тот устроил там школу для принцесс, и вскоре другие богачи из других скудных земель прослышали о ней и отправили туда своих дочерей. Еще через какое-то время до богачей из настоящих городов типа Нью-Йорка и Чикаго тоже

начали доходить слухи об этой школе, и уже они принялись посылать туда дочерей. А такая золотая жила, если на нее напасть, не иссякает столетиями.

Я выросла в долине под этими горами, в бедности, но такой, что выход из нее все-таки виднелся. Я жила с матерью и чередой ее сожителей; отец то ли умер, то ли испарился. Мама отвечала на расспросы о нем очень смутно, я не видела ни одной фотографии. Казалось, как будто один из греческих богов принял облик коня и оплодотворил мою мать, после чего вернулся домой на Олимп. Но вероятнее всего, он просто был извращенцем из одного из богатых домов, в которых она убирала. А может, это был кто-то из нашего муниципалитета, и я видела его всю жизнь, не подозревая об этом. Но я предпочитала думать, что он мертв и просто не способен вытащить меня из моей несчастливой жизни.

Подготовительная школа для девочек «Железные горы» ежегодно предлагала одну-две стипендии для подающих большие надежды девочек из долины. А я, хотя сегодня в это сложно поверить, подавала ну просто охрененно большие надежды. Детство я провела стиснув зубы и круша все на своем пути во имя совершенства. Я научилась читать в три года, сопоставляя буквы в книгах сказок, к которым прилагались аудиокассеты, со словами, которые рассказчик произносил из крошечных динамиков. Когда мне было восемь, мама назначила меня контролировать наши финансы, и я планировала еженедельный бюджет из денег, конверты

с которыми она вечерами приносила домой. Я училась на отлично. Сначала это было исключительно стремление к превосходству, как будто я подозревала в себе супергероя и просто проверяла свои способности. Но когда учителя начали упоминать при мне «Железные горы» и стипендию, я перенаправила свои усилия. Я не знала, что школа была, по сути, ленточкой, которая украшала богатеньких девочек по дороге к predetermined будущему. Я представляла ее себе манежем амазонок. Я доводила соперников до слез на олимпиадах. Я плагиатировала научные статьи, упрощая их до тех пор, пока не получалось выжать победу на региональных научных выставках. Я зазубривала стихи о Гарлеме и коряво пересказывала их любовникам матери, которым, полагаю, я виделась каким-то странным, инакоговорящим демоном. Я играла за защитника в мальчишеской команде по баскетболу, потому что команды девочек не было. Я нравилась жителям нашего города: и беднякам, и среднему классу — особенно его верхушке, — как будто на мой счет они все сошлись во мнении: я являла собой идеального представителя нашего маленького захудалого городка. Мне не суждено было величие, это я знала, но начинала понимать, как вырвать его из рук тех, кто по глупости ослаблял хватку.

Я получила стипендию, а учителя даже собрали мне деньги на учебники и еду, потому что мама изначально категорически заявила, что ничего из этого позволить себе не может. Когда настало время ехать в школу, я напялила какой-то уродливый

джерсер — самую приличную вещь, которая у меня нашлась, — и мама привезла меня туда вместе с моей сумкой, в которой покоились, в частности, три комплекта школьной формы, состоящей из черной юбки и белой блузки. Другие родители причаливали на БМВ и других машинах, настолько дорогих, что я даже марок таких не знала.

— Господи, ты только погляди, — донесся мамин голос сквозь тяжелый металл из радио. Она вертела в руках незажженную сигарету — я попросила ее не курить, чтобы запах не впитался в мои волосы. — Лилиан, это сейчас прозвучит грубо, но тебе тут не место. Не потому, что они лучше тебя, просто тебе тут придется нелегко.

— Это уникальная возможность, — в который раз повторила я.

— У тебя ни фи́га нет, я это понимаю, — сказала мама на удивление терпеливо, мотор она до сих пор не заглушила. — У тебя ни фи́га нет, и я знаю, что ты хочешь большего. Но ты сейчас переходишь с ни фи́га на золото, а с этим справиться будет ой как нелегко. Надеюсь, у тебя получится.

Я на нее не рассердилась. Я знала, что мама меня любит, хотя, наверное, со стороны это заметить было сложно и вряд ли очевидно для других. Она хотела, чтобы у меня все получилось, по крайней мере. Но еще я понимала, что не очень ей нравлюсь. Она считала меня странной. И к тому же портила ей всю малину. Ну и ладно. Нельзя сказать, что я ее за это ненавидела. А если и ненавидела, так я ведь была подростком и ненавидела всех.

Мама нажала прикуриватель и, пока он нагревался, легонько меня обняла и поцеловала.

— Ты в любой момент можешь вернуться домой, милая, — сказала она, но я подумала, что лучше удавлюсь.

Я вышла из машины, и мама уехала. По дороге к общежитию я заметила, что остальные девочки на меня даже не глядели, и, ясное дело, не из вредности. Мне кажется, они вообще не замечали меня; их глаза с рождения были настроены распознавать значительность. Это не ко мне.

А потом я увидела в своей комнате Мэдисон, в комнате, которую нам предстояло делить. Все, что я о ней знала, было изложено в коротком письме, полученном летом. В нем сообщалось, что моей соседкой будет Мэдисон Биллингс и что родом она из Атланты, штат Джорджия. Чет, бывший мамин парень, который время от времени ошивался у нас дома, когда у мамы никого не было, увидел письмо и сказал:

— Зуб даю, она из тех Биллингсов, у которых сеть магазинов. Тоже в Атланте. Деньжищ у них, скажу я тебе...

— Откуда тебе знать, Чет? — спросила я. Чет мне нравился. Он был забавным, что лучше, чем наоборот. На руке у него красовалась татуировка Бетти Буп.

— Тут надо детали подмечать, — поведал мне Чет. Работал он грузчиком. — Знание — сила.

У Мэдисон были светлые волосы до плеч и желтое летнее платье, на котором плавали сотни ма-

леньких золотых рыбок. Даже в шлепанцах она была высокой, как модель, и я не сомневалась, что пятки у нее охренеть какие мягкие. У нее был идеальный носик, голубые глаза и достаточно веснушек, чтобы казаться естественной, но не настолько, чтобы иметь проблемы с кожей, спасибо Господу. Вся комната пропахла жасмином. Мэдисон уже обустроилась, выбрала дальнюю от двери кровать. Увидев меня, соседка по комнате улыбнулась, как будто мы были подругами.

— Ты Лилиан? — спросила она, и мне оставалось лишь кивнуть. В своем ужасном джемпере я чувствовала себя клоуном. — Я Мэдисон, — продолжила она. — Приятно познакомиться.

Мэдисон протянула мне руку, ее ногти было накрашены нежно-розовым, как кроличий носик, лаком.

— Лилиан, — ответила я и пожала ей руку. Мне никогда раньше не приходилось пожимать руку ровесникам.

— Мне сказали, что ты тут на стипендии, — сообщила она затем, и осуждения в ее голосе не прозвучало. Кажется, Мэдисон просто хотела показать, что в курсе.

— Почему тебе об этом сообщили? — выдавила я, заливаясь краской.

— Не знаю. Но сообщили. Может, хотели убедить, что я не буду тебя обижать.

— Ну хорошо, ладно. — Мне казалось, что я волочусь шагов на сорок-пятьдесят позади Мэдисон,